

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

БПЛА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВАЯ АСИММЕТРИЯ СИЛЫ И СПЕЦИФИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Научная статья

Н.П. Пархитко

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>
E-mail: npparkhitko@fa.ru*

А.А. Глазков

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
E-mail: ag3088035@gmail.com*

Распространение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) радикально меняет характер международных отношений и систему стратегического сдерживания, открывая новые возможности для малых государств и негосударственных образований. В постсоветском пространстве дроны становятся не только элементом военной модернизации, но и инструментом политического влияния, способным трансформировать баланс сил и структуру региональной безопасности. Исследование опирается на анализ академической литературы, материалов международных организаций, открытых официальных источников, а также публикаций в рецензируемых научных изданиях, посвященных распространению и применению БПЛА в современных конфликтах. Результаты показывают, что использование БПЛА приводит к формированию новой технологической асимметрии, усиливает гибридные угрозы и изменяет восприятие конфликтов, сочетая военные, информационные и психологические измерения. Россия и соседние государства адаптируют оборонные доктрины и выстраивают политику технологического суверенитета, рассматривая дроны как фактор стратегического равновесия и средство сдерживания. В условиях ускоряющейся милитаризации технологий БПЛА становится важным элементом трансформации международных отношений, требующим пересмотра подходов к региональной безопасности и взаимодействию постсоветских стран в сфере регулирования и использования новых военных технологий. В рамках исследования в статье применены историко-аналитический метод, метод измерения (технические науки), а также методы моделирования и сравнения.

Ключевые слова: *БПЛА, дрон, международные отношения, постсоветское пространство, асимметрия силы, региональная безопасность, гибридные конфликты, технологический суверенитет, дроновая война.*

Для цитирования: *Пархитко Н.П., Глазков А.А. БПЛА как фактор трансформации международных отношений: новая асимметрия силы и специфика постсоветского пространства // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 4. С. 542–552.*

**UAVs AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS:
A NEW ASYMMETRY OF POWER
AND THE SPECIFICS OF THE POST-SOVIET SPACE**

Research article

N.P. Parkhitko

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Financial University under the Government of Russian Federation
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>
E-mail: npparkhitko@fa.ru*

A.A. Glazkov

*Financial University under the Government of Russian Federation
Moscow, Russian Federation
E-mail: ag3088035@gmail.com*

The proliferation of unmanned aerial vehicles (UAVs) is radically changing the nature of international relations and the system of strategic deterrence, opening up new opportunities for small states and non-state actors. In the post-Soviet space, drones are becoming not only an element of military modernization but also an instrument of political influence, capable of transforming the balance of power and the structure of regional security. The study is based on academic literature, materials of international organizations, open official sources and peer-review publications on the proliferation and use of UAVs in contemporary conflicts. The results demonstrate that the use of UAVs is creating new technological asymmetries, amplifying hybrid threats, and altering the perception of conflicts by combining military, informational, and psychological dimensions. Russia and neighboring states are adapting defense doctrines and building policies of technological sovereignty, viewing drones as a factor of strategic balance and a means of deterrence. In the context of the accelerating militarization of technology, UAVs are becoming an important element in the transformation of international relations, requiring a revision of approaches to regional security and the interaction of post-Soviet countries in the area of regulating and using new military technologies. The study is implied by historical analytical method, measurement methods (technical sciences), as well as modeling and comparison methods.

Key words: *UAVs, drone, international relations, post-Soviet space, power asymmetry, regional security, hybrid conflicts, technological sovereignty, drone war.*

For citation: *Parkhitko N.P., Glazkov A.A. UAVs as a Factor in the Transformation of International Relations: a New Asymmetry of Power and the Specifics of the Post-Soviet Space // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 4. P. 542–552. (In Russ.)*

Введение. В современном военно-политическом ландшафте БПЛА становятся не просто очередным средством ведения боевых действий, а инструментом, способным трансформировать принципы власти и сдерживания на международной арене. Массовое производство дронов изменяет традиционное представление о военной мощи. Количество танков, авиации и другой военной техники уступает место скорости, мас-

штабируемости и адаптивности беспилотных систем. В постсоветском пространстве такой сдвиг приобретает особую значимость – дроны становятся не только инструментом военного воздействия, но и политической, информационной и стратегической конкуренции между государствами.

Технологический сдвиг и новая асимметрия силы. В отличие от предыдущих технологических новшеств, таких как

ядерное оружие или баллистические ракеты, дроны характеризуются низким порогом входа, модульностью и возможностью интеграции гражданских компонентов в военные системы. Эти свойства создают принципиально новую асимметрию силы, при которой даже государства с ограниченными ресурсами могут оказывать влияние, не соизмеримое с их экономическим или демографическим потенциалом.

В исследованиях о распространении БПЛА подчеркивается, что доступность технологий, экспортные каналы, военно-политические угрозы и мотивы государств расширяют круг обладателей беспилотных систем и меняют логику военного сдерживания [Евтодьева, Целицкий, 2019; Fuhrmann, Horowitz, 2017; Horowitz, Schwartz, Fuhrman, 2020]. В этом смысле БПЛА как расширяют инструментарий государств, так и меняют соотношение между экономической мощью и военной результативностью. Однако их влияние не следует абсолютизировать: эффективность беспилотников зависит от системы разведки, связи, подготовки операторов, средств РЭБ и способности противника адаптировать ПВО [Calcara, Gilli, Gilli, Marchetti, Zaccagnini, 2022; Макаренко, Старостин, 2024].

Возможность наносить удары без риска для пилотов снижает политическую цену применения силы и делает такие операции более «политически допустимыми» [Horowitz, Kreps, Fuhrman, 2016]. Такая ситуация ведет к тому, что даже государства, еще недавно не входившие в число глобальных производителей вооружения, такие как Израиль, Иран и Турция, получают инструменты влияния не только в региональных конфликтах (Сирия, Ливия, Нагорный Карабах, Украина), но и на международной арене, превратившись в самостоятельных экспортеров систем БПЛА¹.

Дроны стали не просто новым видом вооружений, а катализатором перехода к сетевому-центрическому войнам. В таких конфликтах решающим становится не численное

превосходство, а способность управлять информационными потоками и обеспечивать координацию действий в реальном времени [Abdel-Hussein Zaher, 2023]. БПЛА позволяют объединять разведывательные данные, связь и нанесение ударов в единую систему, что повышает скорость и точность. На практике такие системы уже применяются в зоне Специальной военной операции с обеих сторон. Россия создает единую платформу управления «роем дронов», где каждый БПЛА автономно выполняет свою задачу и принимает решения на основе искусственного интеллекта². Украина, в свою очередь, развивает систему боевых дронов на основе анализа данных и искусственного интеллекта³.

Таким образом, технологический сдвиг, вызванный распространением дронов, представляет собой не просто военную инновацию, а систему трансформации всей международной среды безопасности. Ядерная эпоха была эпохой взаимного сдерживания, а эпоха БПЛА становится эпохой технологической асимметрии, где сила определяется не мощностью арсенала, а способностью быстро адаптироваться к новым форматам боевых действий и использовать гибридные технологии для достижения политических и военных целей.

Информационно-психологическое измерение дронной войны. Применение беспилотных летательных аппаратов выходит за рамки исключительно технологической или тактической функции и приобретает информационно-психологический эффект. В контексте международных отношений такой аспект представляет собой часть более широкого комплекса гибридных инструментов воздействия, направленных на трансформацию восприятия угрозы, изменение поведения элит и населения, а также на перераспределение символического капитала между воюющими наблюдающими акторами.

² Рой дронов – мечта СВО // Первый русский Царьград. URL: https://tsargrad.tv/dzen/roj-dronov-mechta-svo-no-est-problema-tovkach-nazval-pochemu-takie-bpla-nikto-ne-ispolzuet_1298112 (дата обращения: 22.10.2025).

³ Украина решила обучить ИИ по видео с дронов с поля боя // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2024/6766fd7a9a794706721e46b0> (дата обращения: 22.10.2025).

¹ The Shaded blitz: can Russian drone onslaught break Ukraine's resolve? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/jul/25/russia-record-attacks-ukraine-struggles-defend-itself> (data accessed: 22.10.2025).

Современные конфликты, особенно на постсоветском пространстве, демонстрируют, что дроны становятся не только военным ресурсом, но и средством внешнеполитической коммуникации. Их применение формирует у аудитории – внутренней и международной – определенное представление о технологическом превосходстве, эффективности и моральном праве на использовании силы.

Эмпирические данные подтверждают, что эффект дронной войны носит системный психологический характер. В одном из исследований, основанном на опросе 991 жителя Украины, субъективное восприятие угрозы (включая страх перед дронами) выступает статистически значимым симптомом посттравматического стрессового расстройства и нарушений сна [Kugarov, Schabus, Kahveci, Wilhelm, Blechert, 2024]. Эти данные демонстрируют, что психологическое воздействие БПЛА выходит за пределы непосредственных боевых действий и становится элементом контроля над восприятием угрозы, что имеет прямые последствия для международного восприятия устойчивости государства.

Однако особенность дронной войны – в том, что психологическое воздействие не ограничивается участниками конфликта, оно масштабируется и репродуцируется записями с камер БПЛА через информационные каналы. Каждый ролик становится элементом политической коммуникации, способным вызывать тревогу, сочувствие или восхищение у международной аудитории. Соревновательные нарративы наблюдаются как у Украины, желающей показать технологическую изобретательность, вызвать сочувствие и консолидировать общество, так и у России как символ неотвратимости и рационального применения силы. Дроны превращаются в элементы информационной экосистемы, где восприятие и эмоции превращаются в ресурсы международного влияния. Цифровое пространство позволяет расширить психологический эффект до уровня массового сознания: зрители по всему миру становятся участниками «проживания конфликта», а акторы – конкурентами в производстве визуальных смыслов. Это подтверждается исследованиями, посвященными дронной войне, где

БПЛА рассматриваются не только как фактор разведки и поражения, но и как фактор психологического давления и информационного воздействия [Kugarov, 2024].

Аналогичные эффекты наблюдаются среди военнослужащих: постоянное присутствие дронов приводит к росту тревожности, изменению поведенческих моделей и деморализации личного состава¹. Это становится важным индикатором в международной оценке боеспособности и моральной устойчивости воюющих сторон, влияя на характер внешней поддержки и восприятие баланса сил.

В контексте международных отношений эти эмпирические факты обретают особое значение, так как дроны становятся частью стратегической коммуникации. Мягкая сила основывается на способности формировать предпочтения других акторов через привлекательность, убеждение и символический капитал, а не через физическое принуждение [Joseph, 2011]. Дроны в этом смысле становятся инструментом «жесткой мягкой силы» – демонстрации технологической модерности и рационализованного насилия, которое воспринимается как неизбежное и поэтому морально приемлемое. Как отмечает Джек Макдональд, дистанционный характер применения вооружения создает у международной аудитории иллюзию «чистой войны», минимизирующей человеческие потери, что повышает легитимность действий в глазах нейтральных наблюдателей и союзников.

Данные о психологическом воздействии позволяют увидеть прямую связь между внутренними когнитивными процессами и внешнеполитическим измерением конфликта. Массовое состояние тревоги и уязвимости, спровоцированное присутствием дронов, становится фоном для транснациональных информационных операций. Видеоматериалы с БПЛА, активно распространяемые в Интернете, конструируют нарративы о технологическом превосходстве, справедливости или безнаказанности стороны, усиливая когнитивное влияние на международное общественное мнение.

¹ Drones Having Psychological Impact on Soldiers // RedDiamond. URL: <https://oe.tradoc.army.mil/category/red-diamond-posts> (data accessed: 22.10.2025).

Одновременно, с точки зрения конструктивистской теории международных отношений, дроны функционируют как носители нарратива. Через визуальные материалы, распространяемые в СМИ и на цифровых платформах, акторы конструируют представление о ходе конфликта, соотношении сил и моральной ответственности.

В результате БПЛА становятся инструментом когнитивной гегемонии – способа управления не физической территорией, а восприятием угрозы и моральной допустимостью применения силы. Их воздействие охватывает все уровни – от индивидуальных переживаний до дипломатических решений. В условиях постсоветского пространства, где информационные и символические структуры международного взаимодействия остаются хрупкими, дроны превращаются в центральный элемент политико-психологической борьбы: они формируют страх и уязвимость внутри страны и одновременно производят внешнеполитические сигналы, определяющие восприятие силы, справедливости и легитимности в глобальной системе.

Международно-политические и правовые последствия распространения дронов. Пролиферация БПЛА вносит существенный вклад в дестабилизацию современной международной системы. Стремительное расширение круга обладателей ударных дронов размывает привычные границы между войной и миром, военной и гражданской сферами, государственными и негосударственными акторами. Беспилотники упрощают применение вооруженных сил, делая их более обезличенными и политически приемлемыми. Как отмечается в исследованиях ООН, особенности дронов (удаленность оператора, малые потери, высокая точность ударов) снижают порог начала вооруженного конфликта и потенциально подрывают действие сдерживающих норм международного права [Woodhams, 2018]. Риск нести минимальные издержки провоцирует лидеров чаще прибегать к силовым акциям, что повышает вероятность эскалаций по незначительным поводам [Boyle, 2013; Horowitz, Kreps, Fuhrman, 2016; Woodhams, Borrie, 2018].

Дроны оказывают двойственное влияние на динамику конфликтов. С одной сто-

роны, слабые государства и даже повстанческие движения получают доступ к элементам воздушной силы, ранее доступным только великим державам. Доступные коммерческие дроны или военные БПЛА на сером рынке позволяют вооруженным группировкам бросать вызов более сильным армиям, что упрощает разжигание новых войн и восстаний [Shwartz, Chin, Bartos, 2025]. С другой стороны, иностранные державы получили возможность вмешательства чужими руками – интервенцию с помощью беспилотников можно осуществлять скрытно, без отправки военного контингента в чужую страну.

Международное право пока не содержит отдельного договора, напрямую регулирующего боевое применение беспилотников. Согласно базовым принципам Женевских конвенций, дистанционное управление БПЛА не освобождает ни оператора, ни командование от строгого соблюдения принципов международного гуманитарного права – принципа различия гражданских и военных объектов, принципа пропорциональности и принятия мер предосторожности¹ [Анянова, 2023; Borrie, Finckh, Vignard, 2017; Woodhams, 2018]. Международный комитет Красного Креста прямо указывает, что операторы дронов и государства, к которым они принадлежат, несут ответственность за соблюдение МГП [Weizmann, 2013]. Тем не менее рост числа случаев трансграничного применения силы с помощью дронов (например, удары США по террористам за пределами зон официальных военных действий) выявил серьезные пробелы в правовом регулировании [Просвирякова, 2012].

Главная проблема – не в отсутствии норм, а в обеспечении их соблюдения на практике. В современных конфликтах дроны нередко применяются полувоенными акторами или тайно, что затрудняет привлечение виновных к ответственности. Доступность и относительная анонимность БПЛА позволяют совершать удары, не рас-

¹ Новые правила войны: дроны, Украина и перспективы МГП // Swissinfo. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/международная-женева/новые-правила-войны-дроны-украина-и-перспективы-мгп/89611216> (дата обращения: 5.11.2025)

крывая причастность государства. Кроме того, широкое распространение коммерческих дронов означает, что практически любой актор может превратить квадрокоптер в оружие, а установить происхождение такого аппарата чрезвычайно сложно.

На сегодняшний день не существует отдельного многостороннего соглашения, регламентирующего вооруженные дроны¹. Частично эту нишу пытались покрыть режимом контроля вооружений: например, режим контроля ракетных технологий формально охватывает большие беспилотники, ограничивая их экспорт, а Вассенаарские соглашения включают дроны в списки контроля экспорта технологий двойного назначения². Однако эти меры явно недостаточны – они не помешали Турции, Китаю, Ирану, США продавать ударные дроны заинтересованным сторонам. UNIDIR предлагает разрабатывать нормы и стандарты ответственного использования БПЛА, чтобы снизить риски эскалации и случайных инцидентов [Woodhams, Bortie, 2018]. В частности, рекомендуются меры по повышению прозрачности применения, механизмы отчетности и процедуры снижения эскалации. Пока эти усилия носят консультативный характер. Но без развития международно-правовой базы дальнейшее развитие беспилотников грозит опережать право, создавая зоны юридической неопределенности и условия для безнаказанности.

Постсоветская специфика использования БПЛА. Постсоветские государства в последние годы сталкиваются с необходимостью учитывать дронный фактор в своей оборонной политике и региональной безопасности. Опыт конфликтов 2020–2023 гг. наглядно показал, что беспилотники способны существенно повлиять на исход боевых действий, а, значит, требуют переоценки военных доктрин, закупочных приоритетов и мер противодействия. При этом у различных

субрегионов и стран СНГ складывается своя специфика применения БПЛА, обусловленная особенностями геополитического положения, военного потенциала и внешнеполитических ориентиров.

Украина. Война на Донбассе и особенно Специальная военная операция превратили Украину в полигон для массового использования дронов в европейском театре боевых действий. Еще с середины 2010-х гг. Украина начала внедрять в войска разведывательные БПЛА, однако решающую роль дроны приобрели после получения турецких ударных Bayraktar TB2³. В первые месяцы операции Украина активно использовала БПЛА, что в дальнейшем повлияло на смену тактики и закупок российской армии. Обе стороны перешли к массовому применению беспилотников всех типов – от небольших квадрокоптеров и FPV-дронов для тактической разведки и ударов по пехоте до барражирующих боеприпасов оперативного радиуса. По сути, к 2023 г. ВСУ перешли к концепции «войны дронов» в сочетании с другими средствами: сотни мелких БПЛА и десятки более крупных систем запускаются ежедневно для разведки, корректировки артиллерии и ударам по тылам. Одновременно Россия, используя свой промышленный потенциал и внешнюю поддержку, тоже наводнила фронт беспилотниками – от дешевых разведывательных до ударных. Особенно заметным стало применение барражирующих боеприпасов Shaded-136, а также массовое использование FPV-дронов, что стало одним из признаков перехода конфликта к модели высокоинтенсивного дронного конфликта [Макаренко, 2024; Барабанов, Наумова, 2025].

Массовое использование БПЛА существенно повлияло на военно-политическую обстановку: с одной стороны, Украина сумела с помощью дронов нивелировать отставание в пилотируемой авиации и артиллерии, а с другой – сама оказалась уязвима для ударов дронов по тыловым объектам, что требовало срочного усиления ПВО. Этот опыт заставил как украинское, так и российское военное

¹ Proliferation and use of missiles and armed uncrewed aerial vehicles // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2025/07> (data accessed: 05.11.2025).

² Новые правила войны: дроны, Украина и перспективы МГП // Swissinfo. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/международная-женева/новые-правила-войны-дроны-украина-и-перспективы-мпг/89611216> (дата обращения: 5.11.2025).

³ Как в Донбассе применяются турецкие беспилотники и чем это грозит // BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59058932> (дата обращения: 6.11.2025).

руководство переосмыслить стандарты планирования операций, делая упор на противодействие вражеским БПЛА и интеграцию собственных дронов во все уровни командования. В целом украинский кейс показывает, что победителем выйдет тот, кто сможет адаптировать свое производство и наладить импорт дронов. Это позволит эффективно уничтожать опорные пункты, технику и живую силу, а также полностью изменить экономику боевых действий, при которой сумма удара дроном в сотни и тысячи раз дешевле ударом любым другим видом вооружения.

Южный Кавказ. Применение дронов в конфликте Азербайджана и Армении радикально изменило баланс сил в регионе. В ходе Второй Карабахской войны азербайджанская армия широко использовала ударные БПЛА израильского и турецкого производства. Удары дронами нанесли большой урон армянской бронетехнике, артиллерии и системам ПВО, фактически парализовав способность армянской армии к обороне. Таким образом, Азербайджан сумел добиться решающего превосходства за счет технологически продвинутых БПЛА, несмотря на относительное равенство с противником по численности войск и традиционных вооружений. В последующие годы Баку продолжил укреплять парк беспилотников – были закуплены более тяжелые турецкие дроны, а также налажено совместное с Израилем производство некоторых типов БПЛА для собственных нужд [Целицкий, 2023]. Ереван, в свою очередь, объявил о желании закупить ударные дроны у России, Ирана и Индии, а также начал модернизировать ПВО. Однако разрыв за короткий период ликвидировать не удалось, что проявилось в успехе азербайджанской операции в 2023 г., когда армянские формирования капитулировали практически без боя¹.

Ключевой урок южнокавказского кейса для региона: дроны стали обязательным

¹ Антитеррористические мероприятия Минобороны Азербайджана на территории Карабахского региона. Обвинения армянской стороны в адрес России // Центр анализа международных отношений. URL: <https://aircenter.az/ru/single/antiterroristics-kie-meropriyatiya-minoborony-azerbaydjana-na-territorii-karabahskogo-regiona-obvineniya-armyanskoj-storony-v-adres-rossii-1281> (дата обращения: 6.11.2025).

компонентом военного планирования. Инвестиции Азербайджана в БПЛА окупались стратегически, тогда как игнорирование этих технологий Арменией имело катастрофические последствия. Обе страны пересматривают свои подходы: Азербайджан делает ставку на дальнейшую роботизацию армии и развитие собственных технологий, а Армения пытается наверстать упущенное через закупки и международную кооперацию, одновременно усиливая союзнические связи (в том числе рассчитывая на системы РЭБ и ПВО от России) для защиты от ударов дронов.

Центральная Азия (Казахстан). В центральноазиатских республиках прямого боевого опыта применения БПЛА не было, однако уроки чужих конфликтов внимательно изучаются. Особый путь демонстрирует Казахстан: обладая относительно высоким научно-промышленным потенциалом, эта страна решила развивать собственное производство беспилотников в кооперации с зарубежными партнерами. В 2021–2023 гг. Астана заключила ряд сделок с Турцией и Китаем: были приобретены ударные дроны, причем с условием локализации производства на казахстанской территории². Параллельно в Петропавловске уже налажен выпуск легких дронов при содействии китайских компаний. Казахстан также закупил отдельные партии израильских дронов и российский комплексы Орлан-10³.

Таким образом, страна диверсифицирует источники и накапливает компетенции. Стимулом для Астаны послужили, в том числе, события на Украине и в Карабахе – понимание того, что обладание БПЛА значительно повышает оборонный и наступательный потенциал. Сейчас Казахстан позиционируется как потенциальный региональный хаб по производству дронов: благо-

² Kazakhstan May Manufacture Turkish Bayraktar Drones. // The Times of Central Asia. URL: <https://timesca.com/kazakhstan-may-manufacture-turkish-bayraktar-drones> (data accessed: 06.11.2025).

³ Kazakhstan Seeks International Collaboration to Boost Military Aviation and Drone Industry. // Caspian News. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/kazakhstan-seeks-international-collaboration-to-boost-military-aviation-and-drone-industry-2024-12-11-0> (data accessed: 06.11.2025).

даря инвестированию он рассчитывает не только обеспечивать собственные силовые структуры, но и экспортировать технологии соседям. Можно ожидать, что Казахстан станет первой страной в Центральной Азии, наладившей полноценный выпуск ударных дронов отечественной сборки, что неизбежно повлияет на баланс сил в регионе [Мосов, Салий, Рахметжанов, Арапов, 2023].

Беларусь. Для Беларуси драйвером активизации в сфере БПЛА послужил конфликт на Украине и тесный военно-политический союз с Москвой. Минск стремится укрепить собственный оборонный потенциал, координируя программы вооружений с Россией. В 2022–2023 гг. Беларусь заключила соглашение с Ираном о приобретении технологий производства ударных дронов. Фактически страна стала первой страной за пределами Ирана и России, где налажен выпуск дронов¹. Особое внимание уделяется беспилотникам для пограничной разведки и корректировки огня реактивных систем – в условиях напряженности на границе с Украиной это признано приоритетом.

Таким образом, Беларусь позиционирует себя как важное звено в дроневой коалиции с Россией и Ираном. Наличие локализации производства повышает уверенность Минска в способности сдерживания внешней агрессии. В военном планировании Беларуси дронам отводится все более заметная роль. Создаются отдельные подразделения БПЛА в структуре армии и проводятся регулярные учения с применением дронов².

Россия. Для России беспилотные системы к началу 2020-х гг. стали одним из ключевых направлений военного развития, особенно после выявленных проблем в этой области в ходе конфликтов в Сирии, Карабахе и на Украине. Еще несколько лет на-

зад РФ значительно отставала от мировых лидеров в сегменте ударных дронов. В ВС РФ на вооружении были преимущественно разведывательные дроны, тогда как ударные были только в разработке³.

Ситуация резко изменилась с началом СВО – столкнувшись с эффективными турецкими БПЛА и массовым применением коммерческих дронов на поле боя, российское руководство ускорило работу над ударными дронами. В кратчайшие сроки были развернуты широкие поставки барражирующих боеприпасов Shaded-131/136 и локализовано их производство на территории РФ (под именем «Герань-2»), а также запущено серийное изготовление собственных дронов-камикадзе «Ланцет». Одновременно в 2023 г. началось опытно-боевое применение разведывательно-ударных БПЛА «Иноходец» и опытных образцов типа «Охотник». Россия также существенно нарастила выпуск дешевых FPV-дронов для тактического звена, создавая специальные ударные роты беспилотников в составе мотострелковых подразделений. По заявлениям Минобороны РФ, в сутки страна производит около 4000 единиц FPV-дронов⁴.

Столь серьезные организационные изменения свидетельствуют о трансформации военного планирования. Если еще десятилетие назад дроны рассматривались российским командованием как вспомогательный инструмент разведки, то теперь им отводится важная роль в наступательных и оборонительных операциях вплоть до стратегического сдерживания. Теперь Россия находится в лидерах по производству дронов, обогнав Китай⁵.

Таким образом, региональная специфика БПЛА в постсоветском пространстве

¹ Belarus starts local manufacturing of Iranian Shaded-136 drones as Nomad. // ARMY Recognition Group. URL: <https://www.armyrecognition.com/archives/archives-land-defense/land-defense-2024/belarus-starts-local-manufacturing-of-iranian-shaded-136-drones-as-nomad> (data accessed: 06.11.2025).

² Лукашенко доложили о создании в Беларуси войск беспилотных авиационных комплексов // Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/beloruskie-droney-polet-normalnyu.html> (дата обращения: 6.11.2025).

³ Боевые дроны: появится ли в ВКС РФ новый род сил? // Еженедельник «Звезда». URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20245141622-iYToo.html> (дата обращения: 6.11.2025).

⁴ Производство БПЛА в России // TADVISER. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Производство_БПЛА_в_России (дата обращения: 6.11.2025).

⁵ The Times: Россия выбилась в лидеры стран по производству дронов // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7753139> (дата обращения: 6.11.2025).

отражает различные условия и приоритеты стран. Но объединяющей тенденцией стали дроны как фактор военной мощи и безопасности. На Украине и в Карабахе они уже изменили исход боевых действий, в Центральной Азии и Беларуси их появление служит сдерживающим аргументом. Для России беспилотники превратились в один из столпов современной военной доктрины и экспорта вооружений.

Дроны влияют на баланс сил, давая определенным акторам асимметричные преимущества, и вынуждают соседей реагировать, чтобы не оказаться в уязвимом положении. В результате происходит трансформация военного планирования: армии пересматривают организационную структуру, закупочные планы и методы ведения боя с учетом дронного измерения. Можно ожи-

дать, что постсоветские государства в ближайшие годы будут наращивать кооперацию в вопросах противодействия БПЛА и обмена технологиями их применения. В целом же беспилотники быстро эволюционировали из фактора тактического уровня в стратегический. От того, насколько эффективны страны региона их интегрируют, во многом будет зависеть их обороноспособность и позиции в системе международных отношений.

Одновременно рост роли БПЛА требует не только наращивания собственного беспилотного парка, но и перестройки архитектуры противоздушной обороны, включая обнаружение малозаметных целей, применение средств РЭБ, эшелонированное поражение и экономически соразмерные средства перехвата [Макаренко, Старостин, 2024].

ЛИТЕРАТУРА

Анянова Е. Международно-правовое противодействие угрозе использованию БПЛА (дронов) в террористических нападениях на море // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 12 (138). С. 1–6. DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.205. EDN: TMUFCR.

Барабанов О.Н., Наумова Е.В. Современный вооруженный конфликт: эволюция и влияние беспилотных летательных аппаратов // *Россия в глобальном мире*. 2025. Т. 28. № 2. С. 35–54. DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.3. EDN: MZFOLF.

Гринин А.Л. Война дронов как пример влияния самоуправляемых систем на изменение баланса сил // *История и современность*. 2024. № 1. С. 58–81. DOI: 10.30884/iis/2024.01.03.

Евтодьева М.Г., Целицкий С.В. Беспилотные летательные аппараты военного назначения: тенденции в сфере разработок и производства // *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 2 (57). С. 104–111. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-2-104-111.

Макаренко С.И. Преодоление позиционного тупика в современных боевых действиях за счет массированного применения беспилотных летательных аппаратов // *Воздушно-космические силы. Теория и практика*. 2024. № 32. С. 25–42.

Макаренко С.И., Старостин А.В. Противовоздушная оборона страны от ударов беспилотных летательных аппаратов и крылатых ракет: новые угрозы, проблемные вопросы, технико-экономический анализ вариантов архитектуры // *Системы управления, связи и безопасности*. 2024. № 2. С. 86–148. DOI: 10.24412/2410-9916-2024-2-086-148.

Мосов С.П., Салий С.М., Рахметжанов А.А., Аранов Н.К. Тенденции развития беспилотной авиации в центральноазиатских странах: военный аспект // *Вестник КазАТК*. 2023. № 5 (128). С. 539–549. DOI: 10.52167/1609-1817-2023-128-5-539-549.

Целицкий С. Применение беспилотных летательных аппаратов в вооруженных конфликтах в Сирии и Нагорном Карабахе // *Пути к миру и безопасности*. 2023. № 2 (65). С. 183–192. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-183-192. EDN: ZTCEZF.

Borrie J., Finckh E., Vignard K. Increasing Transparency, Oversight and Accountability of Armed Unmanned Aerial Vehicles. Geneva: UNIDIR, 2017. DOI: 10.37559/CAAP/17/WAM/04.

Boyle M.J. The costs and consequences of drone warfare // *International Affairs*. 2013. Vol. 89. № 1. P. 1–29. DOI: 10.1111/1468-2346.12002.

Calcara A., Gilli A., Gilli M., Marchetti R., Zaccagnini I. Why Drones Have Not Revolutionized War: The Enduring Hider-Finder Competition in Air Warfare // *International Security*. 2022. Vol. 46. № 4. P. 130–171. DOI: 10.1162/isec_a_0043.

Fuhrmann M., Horowitz M.C. Droning On: Explaining the Proliferation of Unmanned Aerial Vehicles // *International Organization*. 2017. Vol. 71. № 2. P. 397–418. DOI: 10.1017/S0020818317000121.

Horowitz M.C., Kreps S.E., Fuhrmann M. Separating Fact from Fiction in the Debate over Drone // International Security. 2016. Vol. 41. № 2. P. 7–42. DOI: 10.1162/ISEC_a_00257.

Horowitz M.C., Schwartz J.A., Fuhrmann M. Who's prone to drone? A global time-series analysis of armed uninhabited aerial vehicle proliferation // Conflict Management and Peace Science. 2022. Vol. 39. № 2. P. 119–142. DOI: 10.1177/0738894220966572.

Kurapov A., Schabus M., Kahveci S., Wilhelm F.H., Blechert J. Explaining post-traumatic stress symptoms and sleep disturbance in Ukrainian civilians: perceived threat versus objective war exposure // European Journal of Psychotraumatology. 2024. Vol. 15. № 1. P. 1–9. DOI: 10.1080/20008066.2024.2381371.

Woodhams G., Borrie J. Armed UAVs in Conflict Escalation and Inter-state Crises. Geneva: UNIDIR, 2018. DOI: 10.37559/CAAP/18/PACAV/07.

Zaher R.A.H. Drones and their Role in the Evolution of Generations of War // The International and Political Journal. 2023. № 56. P. 69–86. DOI: 10.31272/ipj.i56.246.

REFERENCES

Anyanova E. Mezhdunarodno-pravovoye protivodeystviye ugroze ispol'zovaniye BPLA (dronov) v terroristicheskikh napadeniyakh na more // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. 2023. № 12 (138). S. 1–6. DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.205. EDN: TMUFQR. (In Russ.) [Anyanova E. International Legal Counteraction to the Threat of Using UAVs (Drones) in Terrorist Attacks at Sea // International Research Journal. 2023. № 12 (138). P. 1–6. DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.205. EDN: TMUFQR.]

Barabanov O.N., Naumova Ye.V. Sovremennyy voozruzhennyy konflikt: evolyutsiya i vliyaniye bespilotnykh letatel'nykh apparatov // Rossiya v global'nom mire. 2025. T. 28. № 2. S. 35–54. DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.3. EDN: MZFOLF. (In Russ.) [Barabanov O.N., Naumova Ye.V. Modern Armed Conflict: Evolution and Impact of Unmanned Aerial Vehicles // Russia in the Global World. 2025. Vol. 28. № 2. P. 35–54. DOI: 10.48612/RG/RGW.28.2.3. EDN: MZFOLF.]

Boyle M.J. The costs and consequences of drone warfare // International Affairs. 2013. Vol. 89. № 1. P. 1–29. DOI: 10.1111/1468-2346.12002.

Borrie J., Finckh E., Vignard K. Increasing Transparency, Oversight and Accountability of Armed Unmanned Aerial Vehicles. Geneva: UNIDIR, 2017. DOI: 10.37559/CAAP/17/WAM/04.

Calcara A., Gilli A., Gilli M., Marchetti R., Zaccagnini I. Why Drones Have Not Revolutionized War: The Enduring Hider-Finder Competition in Air Warfare // International Security. 2022. Vol. 46. № 4. P. 130–171. DOI: 10.1162/isec_a_0043.

Grinin L.A. Voyna dronov kak primer vliyaniya samoupravlyayemykh sistem na izmeneniya balansa sil // Istoriya i sovremennost'. 2024. № 1. S. 58–81. DOI: 10.30884/iis/2024.01.03. (In Russ.) [Grinin L.A. Drone War as an Example of the Impact of Self-Controlled Systems on Changes in the Balance of Power // History and Modernity. 2024. № 1. P. 58–81. DOI: 10.30884/iis/2024.01.03.]

Fuhrmann M., Horowitz M.C. Droning On: Explaining the Proliferation of Unmanned Aerial Vehicles // International Organization. 2017. Vol. 71. № 2. P. 397–418. DOI: 10.1017/S0020818317000121.

Horowitz M.C., Kreps S.E., Fuhrmann M. Separating Fact from Fiction in the Debate over Drone // International Security. 2016. Vol. 41. № 2. P. 7–42. DOI: 10.1162/ISEC_a_00257.

Horowitz M.C., Schwartz J.A., Fuhrmann M. Who's prone to drone? A global time-series analysis of armed uninhabited aerial vehicle proliferation // Conflict Management and Peace Science. 2022. Vol. 39. № 2. P. 119–142. DOI: 10.1177/0738894220966572.

Kurapov A., Schabus M., Kahveci S., Wilhelm F.H., Blechert J. Explaining post-traumatic stress symptoms and sleep disturbance in Ukrainian civilians: perceived threat versus objective war exposure // European Journal of Psychotraumatology. 2024. Vol. 15. № 1. P. 1–9. DOI: 10.1080/20008066.2024.2381371.

Makarenko S.I. Preodoleniye pozitsionnogo tupika v sovremennykh boyevykh deystviyakh za schet massirovannogo primeneniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov // Vozdushno-kosmicheskiye sily. Teoriya i praktika. 2024. № 32. S. 25–42. (In Russ.) [Makarenko S.I. Overcoming positional stalemate in modern combat operations through the massive use of unmanned aerial vehicles // Aerospace Forces. Theory and Practice. 2024. № 32. P. 25–42.]

Makarenko S.I., Starostin A.V. Protivovozdushnaya oborona strany ot udarov bespilotnykh letatel'nykh apparatov i krylatykh raket: novyye ugrozy, problemnyye voprosy, tekhniko-ekonomicheskyy analiz variantov arkhitektury // Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti. 2024. № 2. S. 86–148. DOI: 10.24412/2410-9916-2024-2-086-148. (In Russ.) [Makarenko S.I., Starostin A.V. Air defense of the country from strikes of unmanned aerial vehicles and cruise missiles: new threats, problematic issues, technical and economic

analysis of architectural options // Control, Communications and Security Systems. 2024. № 2. P. 86–148. DOI: 10.24412/2410-9916-2024-2-086-148.]

Mosov S.P., Salij S.M., Rahmetžanov A.A., Arapov N.K. Tendencii razvitiâ bespilotnoj aviacii v central'noaziatskih stranah: voennyj aspekt // Vestnik KazATK. 2023. № 5 (128). S. 539–549. DOI: 10.52167/1609-1817-2023-128-5-539-549. (In Russ.) [*Mosov S.P., Salij S.M., Rakhmetzhanov A.A., Arapov N.K.* Trends in the development of unmanned aviation in Central Asian countries: military aspect // Vestnik KazATK. 2023. № 5 (128). P. 539–549. DOI: 10.52167/1609-1817-2023-128-5-539-549.]

Tselitskii S. Primeneniye bespilotnykh letatel'nykh apparatov v vooruzhennykh konfliktakh v Sirii i Nagornom Karabakhe // Puti k miru i bezopasnosti. 2023. № 2 (65). S. 183–192. DOI 10.20542/2307-1494-2023-2-183-192. EDN ZTCEZF. (In Russ.) [*Tselitsky S.* Use of Unmanned Aerial Vehicles in Armed Conflicts in Syria and Nagorno-Karabakh // Paths to Peace and Security. 2023. № 2 (65). P. 183–192. DOI 10.20542/2307-1494-2023-2-183-192. EDN ZTCEZF.]

Woodhams G., Borrie J. Armed UAVs in Conflict Escalation and Inter-state Crises. Geneva: UNIDIR, 2018. DOI: 10.37559/CAAP/18/PACAV/07.

Yevtod'yeva M.G., Tselitskiy S.V. Bespilotnyye letatel'nyye apparaty voyennogo naznacheniya: tendentsii v sfere razrabotok i proizvodstva // Puti k miru i bezopasnosti. 2019. № 2 (57). S. 104–111. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-2-104-111. (In Russ.) [*Evtod'eva M.G., Tselitsky S.V.* Unmanned aerial vehicles for military purposes: trends in development and production // Paths to Peace and Security. 2019. № 2 (57). P. 104–111. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-2-104-111.]

Zaher R.A.H. Drones and their Role in the Evolution of Generations of War // The International and Political Journal. 2023. № 56. P. 69–86. DOI: 10.31272/ipj.i56.246.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пархитко Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы; доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: scharnchorst@mail.ru

Глазков Артем Александрович, студент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация).

E-mail: ag3088035@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nickolay P. Parkhitko, PhD in history, associate professor of the Theory and History of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; associate professor of the Political Department of Financial University under the Government of Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: scharnchorst@mail.ru

Glazkov Artem Aleksandrovich, student of the Financial University under the Government of Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: ag3088035@gmail.com